

Матушка взглянула на меня. Я редко видел водные представления, поэтому кивнул. Кто-то передал приказ, и вскоре подошла ещё одна большая лодка. Люди из Цзяофана играли на струнных и бамбуковых инструментах в трюме, а на палубе актёры разыгрывали комические сценки. Когда лодки сблизились, грянула музыка, поднялся шум, и появились мужчина с женщиной. Они поклонились нам, провозгласили свои имена и вознесли хвалу императрице, пожелав ей долгих лет жизни. Затем мелодия переменилась, и началось основное действо. На лодке стояла мачта, но на ней висел не парус и не флаг, а лишь длинная верёвка. Мужчина и женщина подошли к мачте, мужчина подсадил женщину, и та полезла по верёвке. Время от времени она останавливалась, делая вид, что хочет спрыгнуть, потом вновь грациозно двигалась вверх. Добравшись до верха, она взяла верёвку в руки и закрутила её несколько раз, создавая красивые узоры. Мужчина внизу притворялся встревоженным, пытаясь поймать конец верёвки. После нескольких попыток ему это удалось, и он тоже полез наверх. Женщина делала вид, что сопротивляется, всячески ему мешая: то раскачивала верёвку, так что мужчина болтался на ней, словно былинка на ветру, заставляя нас замирать от страха; то швыряла вниз летающие ножи и деревянные шипы, а мужчина уворачивался, хоть и с видимым трудом. Мы понимали, что это постановка, но сердца всё равно бешено колотились. Так повторялось несколько раз, и наконец мужчина, преодолев все препятствия, приблизился к вершине. Тогда женщина бросила верёвку, и они схватились врукопашную. Мачта была высока, лодка качалась на волнах, добавляя зрелищу остроты. Наверху было совсем мало места, а они вдвоём сцепились в борьбе. Вдруг одного из них сбросили, и он, скользя вниз по верёвке, зацепился за её конец ногой, так что голова почти касалась палубы. Другой же наверху обмотал верёвку вокруг себя и раскачивался, раскачивая вместе с верёвкой и повисшего на ней человека, словно на качелях, над самой водой. Тот на верёвке никак не падал. После нескольких взмахов он внезапно ухватился за мачту и, проворно, как обезьяна, взобрался наверх, а затем толкнул того, кто был выше. Тот улыбнулся и с размаху плюхнулся в воду. Я смотрел, затаив дыхание, и невольно сжал кулаки. Но тут мою ладонь накрыла тёплая рука. Оглянувшись, я увидел улыбающуюся А-Хуань.

— Ты всегда был пугливым и слабым, — тихо сказала она. — Если страшно — не смотри.

Меня покорили её слова, и я уже собирался возразить, но матушка услышала и, повернувшись к А-Хуань, взяла мою руку в свои.

— Послушай свою невестку, — улыбнулась она. — Если правда страшно — не смотри.

Затем обратилась к Гао Яньфу:

— Такие забавы при малейшей оплошности губят людей. Впредь не ставьте их.

Гао Яньфу тут же передал распоряжение. Люди в воде вылезли, и оба артиста поклонились матушке в знак благодарности. Все на лодке наперебой восхваляли милосердие императрицы, но в душе, конечно, жалели, что представление закончилось. К счастью, матушке тоже наскучило быть на виду, и она увела нас в трюм, где мы разбились на группы и стали играть в шуанлю и другие азартные игры, а она наблюдала за нашей вознёй.

Мы с А-Хуань усадились за одну игру, и, пока переставляли фишки, я вполголоса высказал ей:

— Зачем при людях так открыто проявлять близость? Подумают, что между мной и Жуем что-то неладно. Я не против его, но боюсь, как бы тебе и ему же не навредило.

— Он твой родной брат по матери, — спокойно ответила А-Хуань, — а я два года жила с тобой под одной крышей. Если ты будешь со мной в хороших отношениях, кто что скажет? С твоим-то

характером, если вдруг перестанешь со мной общаться, это куда больше вызовет подозрений.

Я хорошенько подумал и понял, что она права. Тревога, томившая меня последние дни, развеялась. Я улыбнулся ей:

— Всё-таки ты умнее.

Она не глядя бросила кости — выпало «Лу». Взглянув на доску, она подняла на меня глаза:

— Естественно. Ты проиграл, плати.

Чжэн Бо, съездив в Вэньшуй, вернулся с повышением. Ранг остался прежним, но его перевели в Ведомство чинов, сделав старшим чиновником. Поскольку глава Каогуна ушёл в траур по родителям, а матушка объявила Внеочередной экзамен, его назначили заместителем главы Каогуна, поручив руководство этим экзаменом.

Система Кэцзюй, зародившаяся при Суй, насчитывала тогда менее ста лет. Срок небольшой, отбор строгий, и знатные рода, и чиновные семьи по-прежнему в основном опирались на наследственные привилегии. Экзамены ещё не обрели того значения, как в более поздние времена, да и главным экзаменатором был всего лишь чиновник пятого ранга. Однако Кэцзюй уже стал законным путём на службу, активно поощряемым императором Тай-цзуном, императором Гао-цзуном и матушкой. И бедные таланты, и отпрыски знатных семей считали честью пройти через него. Поэтому экзамен затрагивал множество интересов и имел большой вес. Назначить простого чиновника пятого ранга главным экзаменатором часто означало не справиться с высокомериём кандидатов. Ещё при отце произошёл случай, когда провалившийся соискатель написал клеветническое письмо и разбросал его на мосту Тяньцзинь. Стража Цзиньу вовремя его обнаружила, и скандал удалось замять, но с тех пор к выбору экзаменаторов подходили крайне осмотрительно. Назначали либо признанных литературных авторитетов, уважаемых знатоков канонов, либо высокопоставленных сановников, членов императорского клана — короче, либо с влиянием, либо с неоспоримыми заслугами. Чжэн Бо, хоть и молод, был отпрыском знатного рода Чжэн, имел глубокие семейные традиции и учился у известных мастеров; к тому же его мать и жена были принцессами. Так что его назначение оказалось весьма подходящим — конечно, в основном благодаря моему положению.

Меня не слишком заботила карьера Чжэн Бо — пока он оставался моим мужем, матушка не могла его обделить. А вот сам экзамен меня искренне заинтересовал. Я жил в эпоху Тан уже больше десяти лет, встречал немало исторических знаменитостей, но поэтов и литераторов среди них почти не было. Если Чжэн Бо будет руководить экзаменом, в нашем доме наверняка появятся соискатели, желавшие заручиться поддержкой. Интересно, попадётся ли среди них пара имён, знакомых мне и по прошлой жизни?

Одна мысль о том, что такие великие поэты, как Ли Бо или Ду Фу, могли участвовать в этом экзамене и даже обращаться ко мне за протекцией, вызвала у меня смутное волнение. Я заранее велел привратникам: кто бы из учёных мужей ни пришёл, принимать со всем почтением. Особенно я выписал несколько имён, которые помнил, — невзирая на возраст и эпоху, всех поэтов Тан, каких только мог припомнить, — и дал список Лю Хоудэ и Сун Фою, наказав немедленно доложить, если такие объявятся. Сам я стихов сочинять не умел, но даже просто встретиться с этими историческими личностями уже казалось мне стоящим делом.

Помимо радости от прикосновения к истории, у меня были и личные интересы в этом экзамене. Раньше я, конечно, мог передавать рекомендации в Ведомство неба, продвигая своих

людей, но делал это с оглядкой. Теперь же, когда главным экзаменатором стал Чжэн Бо, я мог открыто просить его отбирать нужных мне кандидатов. О семье Чжэн и говорить нечего. У моей покойной кормилицы, госпожи Ян, был сын, которому сейчас уже двадцать два года; он учится десять лет, и, по словам Лю Хоудэ, слог у него неплохой. Ушэнжэня в прошлом году отправили в округ Тун, а в Ведомстве неба как раз освободилось место — можно попробовать выдвинуть его на экзамен по указу. Если пройдёт, определим в Ведомство чинов, пусть будет помощником у Чжэн Бо. У Чэнсы передал мне трёх человек: внука кормилицы, которая нянчила матушку в детстве; внучатого племянника деда по матери; дальнего родственника бабушки по материнской линии. Хотя формально он просил меня, по сути это было поручение матушки, просто слишком мелкое, чтобы она сама вникала. Но даже самое малое дело, исходящее от матушки, для нижестоящих становилось величайшей важности. Так что я всё запомнил и, понимая, что на письме объяснять неудобно, вернулся домой, чтобы обсудить всё с Чжэн Бо подробно.

В ходе обсуждения выяснилось, что дело, казавшееся простым, таит в себе куда более глубокие связи, чем я предполагал. Чем ближе экзамен, тем больше просьб поступало. На Внеочередной экзамен обычно отбирали всего десять с небольшим человек, а имён, переданных Чжэн Бо, набралось уже больше двадцати. Принцесса Цяньцзинь и принцесса Синьянь рекомендовали по одному человеку, князь Сюй — одного, Пэй Янь — двоих, Гао Яньфу — одного, Вэй Туаньэр — двоих. Это были те, за кем стояли конкретные влиятельные лица. Кроме того, были племянник Лю Жэньгуя, младший брат Лю Ичжи и ученики нескольких известных знатоков канонов, которые представились сами. Эти, хоть и не имели такой мощной поддержки, зато многие обладали подлинным талантом, и просто так отместить их было бы жалко.

<http://bllate.org/book/16278/1467266>